

СОДЕРЖАНИЕ

Список сокращений	9
Благодарности	10
Особые замечания о терминологии книги	15
<i>Введение.</i> Пути в центр(ы)	16
<i>Глава 1.</i> Глобальные советские города	35
От империи к Союзу	40
Города, страны и миграция после Второй мировой войны	47
Советский Союз отворачивается от южных республик	62
Трудности с пропиской	70
<i>Глава 2.</i> Дружба, свобода, мобильность и образ «старшего брата»	78
Эволюция принципа дружбы народов	83
Дружба народов в Ленинграде и Москве	93
Дни. Недели. Декады	98
Гордость за родину и свобода	104
Что значит быть советским человеком: о нации и образе «старшего брата»	110
Тоска по СССР	123
<i>Глава 3.</i> Найти свое место и обустроиться в двух столицах	128
Дом и место вдали от дома	131
От периферии к ядру	145
Первые впечатления и первые контакты с городскими жителями	154
Новообретенный дом	172

<i>Глава 4. Расы и расизм в СССР</i>	179
Уровень нетерпимости в принимающих городах	183
Реакция мигрантов на дискриминацию	195
Государство, (не)терпимость к приезжим и дом	210
<i>Глава 5. Стать «своим» в двух столицах</i>	224
Сети связей и чувство принадлежности	232
Статус и города	241
Работа и достижение успеха	249
Свои, отношения между полами и секс	261
Свои и государство	265
Городская жизнь и лояльность	270
<i>Глава 6. Мигранты как маргинальный слой общества</i>	275
Путь в крупные города	280
Адаптация	285
Принимающее сообщество: восприятие и встречи	292
Движение и идентичность	299
Связи с домом	305
<i>Глава 7. Перестройка</i>	311
Ранняя перестройка	317
Забывтая периферия	320
Начало кризиса	326
Центр не держит: 1990–1991 гг.	339
Нелегкий выбор: остаться в городе или уезжать домой?	350
<i>Заключение. Мигранты: красные или «черные»?</i>	360
<i>Приложение. Устные истории мигрантов: места, люди и их взаимоотношения</i>	370
Примечания	385
Библиография	438
Указатель	458

Посвящается Петре, Кэролайн, Эндрю, Брахму и Джуди

Мой адрес не дом и не улица,
Мой адрес — Советский Союз.

— из песни советского композитора Д. Тухманова, 1973

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАМ — Байкало-Амурская магистраль (Байкало-Амурская железная дорога)

ВДНХ — Выставка достижений народного хозяйства

ГУМ — Государственный универсальный магазин

КУТВ — Коммунистический университет трудящихся Востока

ЛКН — лица кавказской национальности

ПТУ — профессионально-техническое училище

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

ССР — Советская Социалистическая Республика

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

БЛАГОДАРНОСТИ

На создание этой книги ушли годы, и мне хотелось бы многих поблагодарить. Неполный список этих людей начинается с семидесяти пяти граждан Советского Союза, которые посвятили мне время и вдумчиво подошли к своим рассказам, положенным в основу данного проекта. Не менее важную роль в создании книги сыграли мои коллеги и аспиранты, которые помогали мне с проведением интервью. Вместе нам удалось опросить армян, азербайджанцев, бурятов, грузин, казахов, кыргызов, представителей северокавказских народов, таджиков и узбеков. Интервью проводились и по телефону с потрескивающим сигналом, но в основном лично: в Оттаве, Нью-Йорке, Санкт-Петербурге и Москве, в Баку, Ленкоране, Алматы, Ташкенте, Бишкеке и в малых кыргызских селах, а также в Тбилиси и Кутаиси. Лиза Гринспун, Эллисон Киттинг, Алтынай Тешебаева, Шахноза Матназарова, Рауф Гарагзов, Таир Фарадов, Мехригуль Аблезова, Гульмира Чурокова, Акмарал Арзыбаева, Райан Бьюкенен и Ия Эрадзе — благодаря этой команде мы обнаружили и опросили респондентов в перечисленных регионах с 2005 по 2011 гг. Брюс Грант и Мадден Ривз выступили отличными культурными посредниками в моих полевых исследованиях в селах Азербайджана и Кыргызстана. Я думаю, что мне очень повезло, ведь я получил доступ к ярким личным воспоминаниям и узнал о взглядах людей как на обыденность, так и на необычные моменты в позднесоветском обществе и культуре.

Основное финансирование проекта осуществлялось за счет Совета Канады по исследованиям в области социальных и гуманитарных наук. Внутренние гранты, полученные от Карлтонского университета, позволили мне провести начальные полевые исследования, а также были полезны на финальном

этапе работы. Институт исследований Европы, России и Евразии и его выдающиеся руководительницы, Жинетт Ляфлёр и Крысия Котарба, оказали значительную помощь моему проекту в технических вопросах. Я также получил поддержку как сотрудник Международной лаборатории миграционных исследований Южно-Уральского государственного университета, за что особенно хочу поблагодарить Юлию Хмелевскую и Ольгу Никонову. Посольство Азербайджана в Канаде, Посольство Узбекистана в Канаде и США, а также Университет Центральной Азии помогли мне правильно организовать мои перемещения во время экспедиций.

В поисках опубликованных документов, касающихся позднесоветской миграции, я проделал долгий и увлекательный путь. В Карлтонском университете Александра Блейк и блестящие сотрудники нашей библиотеки разыскивали нужные мне источники по всему миру. Юлдуз Кутлиева долгие часы посвятила тому, чтобы просмотреть все советские газеты в нашей университетской библиотеке, а Патрик Рид получил для меня доступ к коллекциям Университета Индианы. Хелен Салливан, Ян Адамчик и Кит Кондилл из Справочной службы по славистике Иллинойского университета в Урбане-Шампейне работали со мной от начала и до конца проекта. Кроме того, я советовался с Терри Миллером в Университете штата Мичиган. Эрик Скотт, Криста Гофф, Патрик Рид и Райан Бьюкенен оказали мне содействие в работе с базой архивов в Баку и Москве. Саадат Маммадова, Фарид Шафиев и Эйми Доббс помогли мне получить доступ к библиотеке Баку, хотя в итоге мне так и не удалось добраться до бакинских архивов для работы над исследованием (которое показалось азербайджанским работникам библиотеки странным, возможно, даже подозрительным). Бен Лоринг и Гульмира Мусуралиева указали мне, в какие архивы и библиотечные фонды Кыргызстана мне стоит обратиться. Среди сотрудников блестящей команды, работающей в Центральном государственном архиве

общественно-политической документации Кыргызской Республики, именно Мира Калилова уделила время тому, чтобы разобраться в условиях и причинах, по которым я осмеливаюсь характеризовать перемещения людей внутри Советского Союза как «миграцию». А Институт стратегических и межрегиональных исследований (в Ташкенте) привлек библиотекарей Национальной библиотеки Узбекистана им. Алишера Навои для помощи в поиске материалов об отношении и связях Узбекистана с Ленинградом и Москвой для проекта.

Я благодарен коллегам, которые на протяжении всего этого времени — более десяти лет — оказывали мне интеллектуальную поддержку во время раздумий и работы над книгой. Впервые мне удалось выдвинуть свои размышления как исследовательскую гипотезу и обсудить их, когда я работал научным ассистентом Дианы Кёнкер в Иллинойском университете (в Урбане-Шампейне). Благодаря ее терпению и мастерскому научному руководству я обрел представления о том, каковы образцовые качества ученого и человека. В начале пути меня вдохновляли коллеги, такие как Антуанетта Бёртон, Кит Хитчинс, Адиб Халид и Марк Штейнберг. А когда я стал профессором, в Льюисе Г. Сигельбауме я удивительным образом обрел одновременно наставника и коллегу, который разделяет мое мнение о важности изучения восходящей мобильности в Советском Союзе. Тему межкультурных связей мы не раз обсуждали в ценных дискуссиях с Адриэнн Эдгар. Помимо уже упомянутых мною коллег, я благодарю за советы и поддержку Сергея Абашина, Лауру Адамс, Сару Бринегар, Джеймса Кастила, Хезер Коулман, Эмили Эллиотт, Юлию Градскову, Али Игмена, Аблета Камалова, Марианну Камп, Адиба Халида, Машу Кирасирову, Натаниэля Найта, Дениса Козлова, Марлен Ларюэль, Майки Леманна, Терри Мартина, Максима Матуевича, Дэвида МакДональда, Лесли Пейдж Мох, Александра Моррисона, Сарфароза Ниёзова, Дугласа Нортропа, Себастьяна Пейруза, Джеймса Пикетта, Джона Рэндольфа, Блэр Рабль,

Айсака Скарборо, Эда Шаца, Чарльза Шоу, Мирейю Тиноко, Анну Мари Уиттингтон и Арифа Юнусова. В полевых исследованиях меня серьезно поддерживали доброе отношение и советы коллег, старых и новых: Ирины Левиной, Эйми Доббс и Брюса Гранта — в Баку, а также Эльмиры Кучумкуловой, Дюшона Шаматова, Марии Лоу и Майи Петерсон — в Бишкеке.

Я получил прекрасные и полезные отзывы от коллег: на семинаре рабочей группы по исследованиям Центральной Евразии (Калифорнийский университет, Беркли, 2008 г.); на семинарах по истории среднезападной России (Университет штата Мичиган, 2009 г. и Университет Торонто, 2015 г.); во время серии выступлений на конференции «InterAsia» (Йельский университет, 2015 г.), а также на симпозиуме проекта «Контактные зоны» (Университет Сетон-Холл, 2015 г.). Кроме того, данный проект я представлял по частям на ежегодных съездах Общества центральных евразийских исследований и Ассоциации славянских, восточноевропейских и евразийских исследований так много раз, что едва ли смогу припомнить их все. Среди других площадок, на которых я разрабатывал идею проекта — Бингемтонский университет (на конференциях, проводимых Ассоциацией по изучению национальностей, и во время моих докладов в качестве приглашенного спикера), Университет Торонто, Центр исследований ресурсов Кавказа в Баку, Университет Центральной Азии, Южно-Уральский государственный университет, Университет Сёдертёрна, Университет Далхаузи, Босфорский университет, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо и Оксфордский университет. Также я благодарю корректоров и редакторов: Яна Э. Гольдштейна, Джейн Хеджес, Адиба Халида, Мэри Лиз, Мадден Ривз и Марка Стейнберга, а также анонимных рецензентов, которые одобряли к публикации статьи, предшествовавшие этой монографии. Среди подобных набросков проекта — статья под названием «„Дружба народов“ или гражданство „второго сорта“? Советские азиатские мигранты в постколониальном мире» в журнале

«Центральноазиатские исследования»¹. Ранняя версия главы 6 была опубликована под названием «Торговцы по случайности: маргинализация и возможность перебраться из южных республик в позднесоветскую Москву»². Главы 3 и 5 включают материалы, опубликованные впервые как часть исследования «Советские „черные“ и их попытки устроиться в Ленинграде и Москве» в журнале «Славянское обозрение»³. Глава 4 основана на статье «Черномордые, валите домой! Миграция и раса в позднесоветских Ленинграде и Москве»⁴.

Роджер Хейдон в равной мере давал полезные советы и поддерживал меня на протяжении всего процесса работы над книгой. Его быстрые ответы и внимательное чтение рукописи заметно улучшили ее качество. Я благодарен ему и за то, что он нашел двух вдумчивых анонимных рецензентов и со вниманием отнесся к их комментариям. Пол Госслин помогал на этапе завершающих штрихов, еще раз прочитав финальный вариант рукописи перед сдачей в издательство. Кроме того, он помог мне собрать нужные фотографии для книги. Неравнодушие Джейн Личти и Мишель Витковски к работе и их внимание к деталям способствовали тому, что этот долгосрочный проект был доведен до конца.

Петра Элинс была неотъемлемой частью этого проекта на всех этапах работы над ним и почти на всех этапах его реализации. Ее любовь и поддержка всегда присутствовали в моей жизни и стали основой моей карьеры. Наши дети, Кэролайн Элинс и Эндрю Сахадео, постоянно справлялись с моим отсутствием: то физическим, когда я уезжал в далекие страны, то мысленным, когда я продумывал этот проект. Мой отец, Браhm Сахадео, чей опыт жизни в Лондоне после Второй мировой войны позволил мне связать эту работу с более глобальным контекстом, скончался до того времени, когда мы могли бы поговорить о моих исследованиях. Он и моя мать, Джуди Сахадео, замыкают круг самых близких мне людей, которым я и посвящаю эту книгу.

ОСОБЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ТЕРМИНОЛОГИИ КНИГИ

В Союз Советских Социалистических Республик в период с 1956 по 1991 гг. входило пятнадцать союзных республик. СССР состоял из Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) и четырнадцати национальных республик, или Советских Социалистических Республик (ССР). В официальных документах эти регионы упоминаются с использованием их русскоязычных названий: Грузинская ССР (Грузинская Советская Социалистическая Республика), Узбекская ССР (Узбекская Советская Социалистическая Республика) и т. д. В этой книге я решил сохранить те названия республик, которые использовали участники моих интервью. Они отражают более простую терминологию для обозначения частей СССР, которая также использовалась в советское время: Россия; Грузия, Армения и Азербайджан; Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан; и — в случаях, когда участники моих интервью путешествовали, — Беларусь, Украина, Латвия и Литва. Рассматривая формальные вопросы, я сохраняю более официальные названия республик (ССР). Говоря о Кыргызстане, я использую транскрибирование с современного кыргызского, а не русифицированную версию слова — «киргизский».

Все интервью переведены мной с помощью членов моей команды. Все переводы из опубликованных источников также осуществлены мной в случаях, если не указано обратное.

Введение

ПУТИ В ЦЕНТР(Ы)

В поисках способов помочь своей тяжелобольной сестре, Джасур Хайдаров в 1982 г. оставил жену с семьей детьми в узбекском селе недалеко от Оша (Кыргызстан)¹. В том же году Эльнур Асадов, на плечи которого после смерти отца легла ответственность за семью, покинул Баку, чтобы отыскать более прибыльную работу. Их судьбы стали частью растущей тенденции передвижения людей из южных республик Советского Союза и его восточных регионов, в которых проживали сотни тысяч человек, в том числе: таджики, грузины, кыргызы, буряты, а также люди иных местных национальностей и русские. Подобная мобильность породила динамизм, благодаря которому возникла взаимосвязь государства и общества, формального и неформального сектора экономики, центра и периферии. Динамизм, возникший в поздний период существования Союза Советских Социалистических Республик, побуждал к движению отдельных людей, семьи и сообщества. Из-за наличия различных товаров и услуг, а также больших возможностей устроиться на работу в Ленинграде и Москве эти «две столицы» СССР стали наиболее привлекательными местами назначения для мигрантов с юга и востока. Завязавшаяся после случайной встречи дружба Майи Асинадзе с отдыхающей русской женщиной воодушевила девушку на то, чтобы покинуть родную грузинскую деревню у моря и последовать за мечтой — получить высшее образование в советской столице. А Абдул Халимов, «испуганный деревенский мальчик» из села в Таджикистане, в 1978 г. получал высшее образование в Душанбе до тех пор, пока предрассудки, внушаемые ему этническими

русскими, не вынудили его переехать в более «интернациональный» город — Москву². В Советском Союзе и за его пределами он повстречал студентов десятков разных этнических групп, и все они надеялись на вертикальную мобильность — искали шанс получить продвижение в центрах их регионов.

Люди послевоенного поколения предоставили всем этим студентам, рабочим, торговцам и другим мигрантам возможность получать разнообразные государственные квоты и участвовать в программах мобильности, спонсируемых государством. Севда Асгарова в 1952 г. после учебы в Высшей партийной школе в Баку поехала в Москву, чтобы пройти подготовку в области управления. Ее родственники, приезжая в столицу попытать удачу, регулярно гостили в ее комнате в общежитии, которую девушка делила с другими студентами. Акмал Бобокулов прибыл в Ленинград в 1971 г. для службы на Балтийском флоте, впоследствии он прослужит на нем всю жизнь. Его родители, колхозный бухгалтер и учительница, очень гордились успехами и патриотизмом сына, а он пытался помочь устроиться своим землякам из узбекского города Андижан. Несколько заслуженных тренеров СССР, отметивших талант Шухрата Казбекова из Ташкента в области фигурного катания, привезли его в Ленинград, там он выиграл несколько соревнований, а позже преуспел в карьере каскадера на Ленинградской киностудии («Ленфильме»). Лали Утиашвили и ее муж выбрали более привычный способ перебраться в сердце СССР — в 1979 г. они откликнулись на вакансии «плановика-экономиста» и в результате набора рабочих кадров в Грузии оказались в Москве³. В полученный ими по приезду двухэтажный дом в пригороде как к себе домой приезжали их друзья и родственники, желающие ощутить, каково это — жить в большом городе.

Такие передвижения населения сделали Советский Союз в поздний период более динамичным. Советские граждане

с Кавказа, из Центральной Азии* и азиатских регионов России, приезжая в ленинградские и московские вузы, на заводы и фабрики, заселяя улицы, добавили им энергии и привезли с собой дух предпринимательства⁴. В устных рассказах, собранных мной и моей исследовательской группой, акцентируется, насколько важны инициативность, приобретенные навыки и упорный труд в процессе комбинированной социальной и географической мобильности, которая сумела изменить жизнь как местных жителей городов, так и мигрантов. Те слова и порядок действий, которые сопровождали процесс прибытия в новый город, как и неоднозначная государственная политика в отношении миграций, по-прежнему остаются незаметными для нас и отходят в тень современных научных оценок СССР в последние десятилетия. Я же утверждаю, что динамизм миграций позволяет оспорить оценку этого периода как периода застоя, которая преобладала у западных и советских наблюдателей того времени и которая подвергается пересмотру только сейчас⁵. Изучение позднего Советского Союза «снаружи внутрь» и «снизу вверх» как времени движения, а не эпохи застоя, позволяет понять его внутреннюю жизнь, надежды людей и трудности, с которыми они сталкивались в последние годы его существования.

Истории из жизни показывают нам сложный характер социальных сетей: близких и дальних, неформальных и формальных, и их роль в формировании намерения людей позднего СССР переехать. Новые и старые друзья, ближние и дальние родственники, односельчане и соседи по квартире — все они создавали связи, приводившие в движение мечты и реальность переезда на большие расстояния. Выбор индивидуальных стратегий сопровождался бесчисленным множеством государственных программ и институтов: от кампаний профессионального

* Термин «Центральная Азия» использован в переводе, когда автор описывает общий контекст или дает оценку событиям. В историографической части книги мы придерживаемся понятия «Средняя Азия» для указания на соответствующий регион СССР.

и трудового найма до программ, гарантировавших студентам из каждой республики места в ведущих центральных университетах; от многонационального характера Советской армии и Коммунистического союза молодежи (комсомола) до возможности легко и дешево передвигаться по стране. По сравнению с первыми двумя десятилетиями после распада Советского Союза — временем постоянных лишений и страха за свою жизнь, поздний СССР выступает в историях мигрантов как обитель безопасности и свободы. Но в то же время многие респонденты признавали, что движение с Юга на Север и с Востока на Запад в Советском Союзе было следствием дисбаланса между центром и периферией и провоцировало проявления национализма и расизма со стороны русской части населения, которая была вынуждена принимать мигрантов. Перестройка с ее возможностями и неопределенностью вызвала еще более многочисленную волну миграции в привилегированные города СССР. Это усилило националистические настроения и экономическое неравенство, и на рубеже 1990-х гг. проблемы, характерные для советских окраин, проявились и в центре, когда разрушающееся государство не сумело справиться с таким уровнем социального динамизма.

Позднесоветская мобильность изменила как центр, так и периферию. Ленинград и Москва привыкли полагаться на человеческий капитал и ресурсы, которые все больше поступали из крестьянских хозяйств, промышленных городков, небольших деревень и крупных городов восточных и южных окраин СССР. В то время как демографы забили тревогу по поводу увеличения количества седых голов в двух советских столицах, их жители отметили и потемнение цвета кожи населения. Пусть на один или несколько торговых сезонов, на период учебы в университете, период построения карьеры или же на всю жизнь — татары, грузины, азербайджанцы, кыргызы, таджики, буряты и люди других национальностей осваивали центральные пространства Ленинграда и Москвы.

Торговцы и разнорабочие, студенты и профессионалы своего дела идейно связывали свою способность добиться успеха в сердце СССР с принципом равенства граждан; и лишь немногие полагали, что именно неравенство мотивировало их в стремлении преуспеть. С 1930-х гг. советские граждане слышали отовсюду — во время учебы, из средств массовой информации и других источников — утверждения, что модернизация означает урбанизацию; и наполнялись верой в то, что большие города — это символы светлого будущего⁶. Поэтому им казалось, что растущий уровень достатка в центре страны — в порядке вещей. В таких представлениях Ленинград и Москва были пространством для всех, кто готов упорно трудиться, преодолевая трудности интеграции, а иногда и жесткое соперничество, — для тех, кто готов привести общество и государство к процветанию⁷. Как передавались людям в отдаленные деревни и города идеи и ценности, перенятые в центре СССР, так текли туда и рубли, заработанные в центре. А когда в 1980-х и 1990-х гг. возможности экономического роста одновременно сузились и начали распространяться через сети неформальных и формальных связей и движений, иерархичность и напряжение в городах усугубились.

На Ленинград и Москву у лидеров коммунистической партии были большие планы: они надеялись, что эти города станут центрами расширяющегося социалистического мира. Особо важную роль в претензиях на мировое расширение играли Кавказ и народы Центральной Азии: они выступали в качестве представителей и посредников для азиатов и мусульман во время просоветских агитационных кампаний во времена холодной войны. Многонациональные университеты, парады, посвященные их вкладу в общее дело, и даже мечети представляли официальный образ неславянских граждан, проживающих на востоке России и в южных республиках Союза. Глобальные социалистические города являли собой особый пример того, как может происходить интеграция народов бывших

колоний — вначале народов царской России, а затем и других европейских государств⁸. Сегрегация населения по месту жительства, политические дебаты о возможности иммиграции, эпизодические межэтнические столкновения, которые были характерны для постколониальных Лондона, Парижа и других центров бывших империй в конце XX в. — всех этих проблем не было в Ленинграде и Москве. Но отсутствовала и формальная общественная жизнь, которая могла бы создавать школы, газеты и другие организации, представляющие общины меньшинств. Несмотря на то, что народам Кавказа и Центральной Азии не нужно было пересекать границу, чтобы пересечь в привилегированные глобальные города «своей» страны, там действовало требование, согласно которому эти граждане должны были зарегистрироваться по месту своего постоянного проживания — получить прописку. Транснациональная мобильность требовала знаний формальных механизмов, которые необходимо соблюдать при передвижениях по стране, а также сил и способностей, чтобы конвертировать глобальную мощь и амбиции СССР, сосредоточенные в двух его столицах, в свою пользу⁹.

Переезд в город проверял мигрантов на прочность и испытывал, насколько удачны их стратегии интеграции в центры советской жизни. Устные рассказы мигрантов свидетельствуют о важности и разнообразии эмоциональной жизни и о сообществах, сложившихся в разное время и в разных местах¹⁰. При всех различиях в инвестициях и внимании между центром и периферией, жители Кавказа и Средней Азии твердо верили в принципы социалистической идеологии и в ее риторику равенства, семьи и в особенности дружбы. «Дружба народов» явно не принадлежала к числу тех советских лозунгов, которые превратились, по словам Алексея Юрчака, в «пустые» и «бессмысленные» символы: этот принцип играл важную роль в становлении идентичности южных мигрантов¹¹. Мобильность позволила им понять, что такое дружба, и завести свои дружеские связи. Даже если новопривывшие жители самого ядра СССР

не сумели реализовать свои устремления полностью, они все равно испытывали удовлетворение, пусть иногда смешанное с чувством обиды на то, что им приходится жить вдали от дома. Для мигрантов, которые хотели улучшить качество жизни и в то же время поддерживать связи друг с другом, со своими этническими группами, с сообществом региона, куда они переехали, с большой советской семьей и в разной степени с самим советским режимом, все время сохраняя связь с родным домом, — для этих мигрантов счастливые воспоминания и сопереживание друг другу были важными эмоциональными ориентирами в общении. Апелляция к принципу дружбы народов стала механизмом, позволяющим потребовать от государства выполнения обещаний и призвать органы власти к ответу в тех случаях, когда опыт миграции приводил к неблагоприятным результатам. И хотя условия общения менялись, дружба была важным элементом в стратегиях мобильности и способствовала положительным эмоциям, которые помогали избежать угрозы потенциальной изоляции мигрантов, находившихся за тысячи километров от родного дома.

В Ленинграде и Москве, как и во всем позднем Советском Союзе, межкультурные связи стали определяющей чертой идентичности и социального статуса. Мигранты и местные жители одинаково использовали знакомства с разными людьми для создания личных, профессиональных и этнических связей, формирования чувства принадлежности к многонациональному, пусть и с доминирующим русским населением, Советскому государству. Культурные объединения и различия развивались в сложном соединении горизонтальных связей и вертикальных иерархий. Социальный статус, уровень образования, этническое происхождение и достижения народов; родной и новообретенный дом; религия; гендер — иногда пол — и гражданская позиция — все это играло важную роль в том, как советские граждане оценивали самих себя и друг друга. Какими были две столицы на самом деле: территорией для привилегированных

русских коренных жителей, для «белых», или же они были открыты для всех, кто желает внести свой вклад в развитие современного общества, независимо от их происхождения? Могли ли мужчины и женщины; христиане, мусульмане и атеисты, комсомольцы, члены компартии и беспартийные получить при равных усилиях равные результаты в этом модернизирующемся государстве? Ответы на эти вопросы, учитывая неоднозначность официальных заявлений, варьировались в зависимости от опыта межкультурного взаимодействия конкретных людей и от их индивидуального восприятия. Истории из жизни мигрантов подчеркивают сложный, глубоко личный характер каждого взаимодействия и связывают эти взаимодействия с более широким советским миром в контексте глобальной тенденции движения с периферии в центр в конце XX в.

Расизм препятствует интеграции мигрантов. Когда мигрантов в городах стало больше, выходцы с Кавказа и из Центральной Азии в Ленинграде и Москве, да и в целом в городах северной России, часто слышали в свой адрес пренебрежительное: «черные». Несмотря на то, что после Холокоста представления о расе в СССР, как и в Северной Америке и Европе, сместились с биологических на культурные критерии, расовая нетерпимость росла по мере того, как увеличивалось количество «небелых», прибывающих с периферии бывшей империи в крупные западные города¹². Понимание расы и расизма в основном оставалось на уровне принципа, согласно которому «человеческий вид [представлен] отдельными группами, каждую из которых определяют врожденные черты, общие для всех членов одной группы и отличающие их от членов других групп. Хотя группы представляют один и тот же вид, они неравны по статусу»¹³. Разделение по расовому признаку противоречило принципу дружбы народов, в соответствии с которым мигранты, наряду со всеми советскими гражданами, могли чувствовать себя частью, пусть и не совсем равной, одного целого. «Черные» мигранты объясняли повседневный расизм, с которым они

сталкивались в Ленинграде и в Москве, особым восприятием местных жителей того, как они выглядели, разговаривали и вели себя. Они замечали проявления расизма, выраженные в неуважительном отношении к приезжим, в косых взглядах, снисходительной речи или унижениях, вплоть до проявлений насилия, пусть даже все эти нападки не могли сравниться с жестокостью в городах Запада по отношению к местным темнокожим¹⁴. По мере увеличения числа кавказских и среднеазиатских торговцев на улицах, автобусных остановках и станциях метро в 1980-х гг. обстановка в двух столицах все больше накалялась: препирательства на рынке могли обернуться потасовкой, а милиция была агрессивно настроена по отношению к торгующим мигрантам. Помимо оскорбления «черные», появился еще один эпитет — «лица кавказской национальности» (сокращенно ЛКН). Так стали называть еще более широкий круг — всех темнокожих и темноволосых советских людей, что серьезно огорчало солидные татарские общины Ленинграда и Москвы. Эпитеты, возникшие в советскую эпоху, сохранились до времени, когда мы проводили большую часть интервью для нашего проекта: тогда, в первой декаде 2000-х гг., эти оскорбления звучали во время актов жестокого насилия на расовой почве в Санкт-Петербурге и Москве¹⁵.

Однако в рассказах мигрантов о жизни в Ленинграде и Москве тема расизма возникала довольно редко, хотя и вызывала сильную эмоциональную реакцию. Новоприбывшие готовы были заплатить такую цену за шанс добиться успеха в центральных и самых престижных городах Советского Союза. Они с особым вниманием относились к формальным и неформальным связям и отношениям, которые могли бы «связать мигрантов и местных жителей в комплексной сетевой структуре социальных ролей и взаимозависимых отношений»¹⁶. Система обязательной регистрации по месту жительства в Ленинграде и Москве допускала различные отклонения и исключения. Городские власти разрешили или просто не смогли остановить